

Время демографических перемен

Анатолий Вишневский

М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 517с.

А вот если бы можно было найти сторонников зимы, которые злонамеренно приносят ее в Россию, и столкнуть их с пропагандистами вечного лета, да сделать из этого аллегория борьбы добра и зла.

Анатолий Вишневский

Сквозь эфир десятичноозначенный...

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

«ДЕМОСКОП ЗНАЕТ БОЛЬШЕ...» АНАЛИТИК, ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ОСВЕТИТЕЛЬ

Для кого-то он ведущий российский демограф, блестящий профессионал, язвительный полемист, а для кого-то – страшный человек, «серый кардинал», «киностранный агент», толкающий Россию и русских в фаталистическую пучину «вымирания».

Помню – в студенческую пору – на страницах журнала «Знание – Сила»

великолепные его статьи по исторической демографии: читаешь и невольно как бы примеряешь описываемое к собственному случаю, индивидуальному или семейному. А когда я пришел в Институт географии и занялся городскими агломерациями, сразу же уткнулся в постоянную ссылку на автореферат его кандидатской диссертации – нечастый, кстати, случай долгожительства автореферата⁴.

Анатолий Вишневский – демограф и социолог, культуролог и писатель, аналитик и просветитель в одном лице. Книга, выпущенная издательством ВШЭ к 80-летию автора, – лишь избранное по демографической проблематике, составленное из работ, написанных уже в нынешнем веке. Вводного и заключительного слова в ней нет, зато есть шесть разделов, выстроенных и скомпонованных в определенной логике, напоминающей сюжетную – тоже своего рода роман-коллаж.

Первый раздел – «Демографический переход» – посвящен наиболее общим вопросам: теория, идеология, понятийный аппарат. Здесь обсуждаются такие сквозные понятия, как «Север» и «Юг», «золотой миллиард» (население «Севера»), «геостатическая самоорганизация» (предполагающая, что целеполагание «встроено» в сам процесс развития и демографией нельзя управлять ни через пронаталистскую господдержку, ни через идеологию), «демографическая революция» или «демографический переход» (у Вишневского это синонимы, но он считает более верным первый термин).

Сам демографический переход для него не предмет веры, приятия или отвержения, а что-то вроде наглядно наблюдаемого феномена, наподобие температуры воздуха, то есть такая же упрямая эмпирическая реальность, как, например, снег, выпа-

⁴ В 1967 году Вишневский защитил кандидатскую диссертацию по теме «Городские агломерации и экономическое регулирование их роста (на примере Харьковской агломерации)» в Институте экономики АН СССР в Москве. Но именно тогда, защитившись, Вишневский резко обозначил свой интерес именно к демографии.

дающий зимой, а не тогда, когда кому-то захочется или понадобится. Вишневский занимается этой темой больше 40 лет. Но сейчас в одной из главных, на мой взгляд, статей книги – «Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*» – он, если можно так выразиться, поднимает планку, что видно из самого названия статьи.

Демографический переход, как показывает его анализ (и почти исключительно на примере «Севера»), – феномен, комплексный, сложносоставной или, как настаивает Вишневский, многоэтапный. Первый демографический переход – это переход от демографического равновесия при высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию на их низких уровнях, то есть понижение сначала смертности, а за ней и рождаемости до уровня, обеспечивающего примерно нулевой прирост населения (в Европе это произошло в основном еще до Второй мировой войны). Здесь действуют маховики истории, не нами запущенные, а то, что не соотносящиеся с этими механизмами «попытки воздействовать на рождаемость, задержать ее падение или добиться ее повышения неизменно терпят фиаско» (с.7), – это, в его глазах, победа реальности над идеологией.

Второй демографический переход – неизбежное продолжение первого – обрушивает привычные представления о «классической» семье и оборачивается вызовом, ответ на который ищут миллионы семей:

«Постепенно преодолевая инерцию прошлого, отказываясь от сложившихся установлений и вырабатывая новые институциональные формы и новую культурную регламентацию индивидуальной, частной, личной жизни... трассирования... индивидуального жизненного пути. Постоянно и повсеместно возникающие попытки противостоять переменам, вызывая к опыту прошлого, абсолютно бесперспективны, потому что больше нет этого прошлого» (с. 32).

Но демографический переход разворачивается дальше и приводит к прорехам и перекосам не только в половозрастных пирамидах развитых стран, но и к прорывам на рынках труда. Проблема становится неразрешимой в рамках одного лишь естественного движения населения и требует активизации рационального движения населения, то есть миграции, точнее, иммиграции. Что и является содержанием третьего демографического перехода – изменения состава населения за счет иммигрантов со всеми вытекающими из этого рисками – вплоть до перспективы, о которой с тревогой пишет Дэвид Коулмен (автор термина «третий демографический переход») – «замещения большей части нынешнего населения мигрантами, либо их потомками, либо населением смешанного происхождения». При этом Вишневский все же полагает, что третий переход вовсе не неотвратим и что если действовать с умом, то очевидных негативных его последствий можно избежать.

Здесь, впрочем, у Вишневого появляются сомнения. Взгляд Коулмена – это все же односторонний взгляд из перспективы «Севера». А из перспективы «Юга» все это малосущественно: пар демографического давления давит на крышку глобального демографического котла отнюдь не в меру дисбаланса естественного и механического движения населения, а сам по себе. Речь, несомненно, идет о новой фазе демографического перехода:

«Ее никак нельзя свести просто к изменению состава населения принимающих стран, хотя это изменение и в самом деле имеет место. Суть ее заключается в превращении всего мирового населения в систему сообщающихся сосудов, в которой все демографические процессы взаимосвязаны между собой и не могут быть поняты с позиций какой-либо одной из частей этой системы» (с. 35).

И если общее число жителей Земли стремительно рвется к десятому милли-

арду, то есть к 11-тизначной величине, то количество мигрантов в мире за последние четверть века уже исчисляется сотнями миллионов.

Медленные, растянутые на десятилетия первые два перехода суть, по Вишневскому, лекала социальной модернизации, отчего страны, вступающие на этот путь с опозданием, обречены на так называемую «незавершенную» и потому «догоняющую» модернизацию. Одна из таких стран – Россия, чему, собственно, и посвящен второй раздел книги Вишневского: «Россия перед лицом перемен». Маркером же незавершенности второго демографического перехода в России является ее феноменальная – ранняя мужская – смертность, или, как ее нередко называют, «сверхсмертность». Тем не менее, как показывает Вишневский, Россия со своими 140 миллионами уверенно идет по тому же пути, что и остальные страны «золотого миллиарда», заставляя демографа углубляться в чисто прикладную проблематику, например, в вопросы пенсионной политики.

Третий раздел – «Глобальные демографические сдвиги». Здесь, а отчасти уже и во втором разделе, ученый обосновывает и защищает свои наиболее широко известные тезисы, встреченные с наибольшими возмущением и агрессией. И старение населения, и снижающаяся рождаемость – это объективные глобальные процессы, а никак не национальная катастрофа. Их невозможно остановить, их надо изучать и понимать.

То же относится и к миграциям, которым посвящен четвертый раздел – «Международные миграции в новом демографическом контексте». Автор подчеркивает плохо осмысленную новизну этого контекста.

«Политические элиты и властные структуры все лучше осознают свои ограниченные возможности управления глобальными миграционными потоками, и их охватывает растерянность. Государственные деятели

делают противоречивые заявления, правительства проводят противоречивую политику – все это свидетельствует о поисках ответов на миграционный вызов и в то же время о том, что эти ответы еще не найдены» (с. 382).

Весьма и весьма показательны два заключительных раздела книги. Пятый («Страна Демография и ее обитатели») состоит из пяти очерков, посвященных последовательно истории советской демографии, истории общегосударственных переписей (от 1897-го до 2010 года) и нелегким биографиям трех выдающихся старших демографов, с которыми судьба близко сводила автора, – Михаила Курмана, Бориса Урланиса и Андрея Волкова. Первый из очерков служит как бы общим фоном трем этим судьбам. Его начало можно смело назвать сказанием о «репрессированной демографии» – науке, в целом чрезвычайно пострадавшей от информационного (статистического) и коммуникационного голода, закрытости для международного профессионального общения и, напротив, беззащитности перед идеологическими догмами. Сам Анатолий Вишневский – дитя более позднего этапа развития отечественной демографии, начавшегося в 1960-е годы и набравшего силу после 1985-го, когда положение начало меняться и демография стала общепризнанной и востребованной, в том числе и властями, наукой. Однако востребованность эта – как показывают последние переписи – часто специфическая: да, власти нужно зеркало, но зеркало сервильное и при необходимости кривое!

Одним из ключевых в этом разделе я бы счел эпизод с воспоминаниями Михаила Курмана, первая публикация которых с беспардонностью и тенденциозностью, оскорбительными для его памяти и для чести публикатора (Вишневского), была искажена редактором сборника, где они были опубликованы. Возмущенный такой

непорядочностью, Вишнеvский вступился тогда и за честь, и за память коллеги⁵.

И это – характернейшая для него черта. Если хотите, весь шестой раздел – «Демографы шутят» (по аналогии со знаменитыми «Физики шутят!») – соткан из этой страсти и готовности вступаться не только за историческую память, но и за честь своей науки. Он состоит из серии «святочных рассказов» – очаровательных и искрящихся остроумием фельетонов на демографические темы, опубликованных впервые в «Демоскопе Weekly», в сатирической рубрике «Что мы знаем о лисе?» – с неизменным зачином: «Демоскоп знает больше...» Для этой книги Вишнеvский отобрал лишь несколько рассказов, но каждый – своего рода маленький жанровый шедевр.

Тут самое время сказать, что творческим интересам и талантам Анатолия Вишнеvского всегда было тесно в рамках демографии. Он охотно заходил и на территорию истории (лучшее доказательство тому – книга 2008 года «Серп и Рубль. Консервативная модернизация в СССР»), и в изящную словесность. Он автор удивительного документального романа-коллажа – «Перехваченные письма» (2000; 2008), сложенного из документов нескольких семейных архивов. А его второй роман – «Жизнеописание Петра Степановича К.» (2013) – это уже не коллаж, а скорее роман-зонд во всю толщу – российско-советско-российского – XX века.

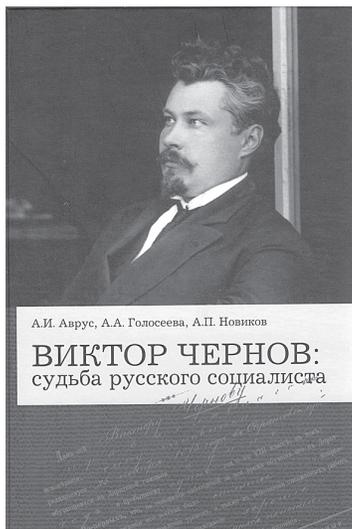
Но это тема уже другого – и отдельного – разговора.

ПАВЕЛ ПОЛЯН

- 5 Вот фрагмент его письма: «А теперь о самом главном. Что Вы вычеркнули, что пало жертвой Вашей правки... Вы, конечно, не могли полностью исключить из текста всего страшного, из чего складывалась жизнь в сталинских тюрьмах и лагерях, – тогда пришлось бы вовсе отказаться от публикации воспоминаний Курмана, а это не соответствовало настроениям момента. Но Вы сделали все, чтобы ослабить это страшное, и Вам это удалось. Когда читаешь опубликованный текст, временами и тюрьма, и лагерь приобретают почти респектабельный вид. Там читают книги, ведут беседы, проводят собрания – это все Вы оставили. А вот пытки, издевательства, унижения, доведение людей до безумия – это Вы везде, где смогли, убрали. Изъятые Вами фрагменты текста прилагаются к этому письму, целенаправленный отбор их мне кажется очевидным». Ответа на это письмо Вишнеvский так и не дождался.
- 6 Аврус А.И., Новиков А.П. *От Хвалынского до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М. Чернова*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2013.

Виктор Чернов: судьба русского социалиста

АНАТОЛИЙ АВРУС, АННА ГОЛОСЕЕВА,
АЛЕКСАНДР НОВИКОВ
Москва: Ключ-С, 2015. – 368 с. – 300 экз.

Жизнь и деятельность видного лидера и основного теоретика партии эсеров не раз становились предметом исследований, но, как справедливо отмечают авторы, многие моменты остались недостаточно освещенными, а иногда и просто недостоверными. Авторский коллектив посвятил этой книге пятнадцать лет, кропотливо собирая документы и материалы, посвященные полубытому сегодня русскому революционеру. В итоге получилась значительно расширенная и более доступная для широкого читателя версия книги, несколько лет назад написанной двумя из трех упомянутых авторов и опубликованной в Саратове⁶.